

в соавторстве с Count Raven

Эгрегор

В деревне был дурачок. Все звали его Ванька-дурачок, а настоящего имени не знал никто. Жил у бабушки Матрёны, которая приютила его ещё мальцом, когда, сгоревшую в одночасье от белой горячки мать, отнесли за нефтебазу. А кто отец дурачка не знала, наверное, и мать.

Дурачок был немой, безобидный и тихий, белобрысый с улыбкой, будто приклеенной к губам. Но улыбка не скрашивала лица, обезображенного оспинами и вообще придавала ему какой-то зловещий оттенок. Матери и бабушки даже пугали непослушных ребятшек: — Вот уж позову Ваньку-дурачка он тебе улыбнётся.

Помогал Матрёне по хозяйству да ухаживал за лошадьми в конюшне. Лошади не шарахались, когда он заходил в стойло и убирал; было ему тридцать лет.

Мужики и парни дурачка недолюбливали и вот почему: когда дурачок приходил в общественную баню, мужики с завистью поглядывали на его хуй, свисающий чуть ли не до колен. Кожа на его члене была белой, как и всё тело, а значит хуина ещё ни разу не кунался во влагалище.

В выходные мужики иногда забавлялись с дурачком, дав ему выпить самогона или водки. Захмелевший дурачок становился буйным и, с налитыми кровью глазами, лез в драку. Мужики сначала толкали его, посмеиваясь, дурачок свирепел, свирепели мужики и всё заканчивалось избивением несчастного, будто мстили ему за его достоинство.

В тот день Ира возвращалась с вечерней дойки. Закончив школу, в пединститут не прошла по конкурсу и, вернувшись домой в деревню, помогала матери, работавшей на ферме дояркой.

Она шла мимо клуба, когда парни в очередной раз забавлялись с дурачком. Увидев, как они, остервенело пинали его, повалив на землю, кинулась к ним с криком и стала отталкивать. Понемногу успокаиваясь, парни один за другим уходили, а последний, Федька, сватавшийся к ней, но получивший отказ, уходя, бросил — Ну ну, пожалей его, пожалей, он тебя живо оприходует.

Дурачок, весь в пыли, с разбитыми в кровь губами, лежал ничком и мычал.

Ира осторожно тронула его. Он вздрогнул, как от удара и вскинулся, вращая глазами, схватил её за плечи, повалил на землю и стал душить. Когда у неё перед глазами замелькали жёлтые всполохи, он отпустил шею и стал задира́ть подол платья. От удушья, тело было скованно и пропал голос, а он уже стягивал с неё трусы. Потом спустил свои штаны, и она почувствовала между ног что-то тупое и толстое. Из его рта капала слюна, смешанная с кровью. Ира в ужасе смотрела в его лицо, стараясь поймать взгляд. Наконец он встретился с её глазами, замер на мгновение, дико вскрикнул, вскочил и убежал, скуля, как побитый щенок.

Ира дёрнулась и проснулась. Простынь под нею была мокрой.

Кто и как узнал о случившемся, но вскоре по деревне поползли слухи, что дурачок изнасиловал Ирку. Когда сплетни дошли до матери, она осторожно выпросила у дочери и та рассказала, что было на самом деле. Мать успокоилась.

Через год, отработав в школе в группе продлённого дня, она снова уехала поступать в пединститут, опять не добрала баллов и в деревню не вернулась. Устроилась на работу в НИИ

(научно-исследовательский институт), где и познакомилась с Ромкой.

Когда вернулась в деревню с двухлетним сыном на руках, бабка, взяв внука на руки и, взглядевшись в его лицо пробормотала: видать не сплетни-то были. Ира сначала не поняла о чём это мать, а когда дошло — холодный пот заструился по спине: необъяснимым и непостижимым образом в чертах лица сына проступал лик дурачка.

...

На кирпичке Иру ценили за ответственное отношение к работе и через два года она стала бригадиром смены. Директор из личного фонда выделил ей однокомнатную квартиру, как матери-одиночке.

В квартиру они заселились в лето, когда Олег пошёл в первый класс.

Мальчик занимался онанизмом, и узнала она об этом, когда ему было пять лет.

В журнале «Работница» ей попала статья об онанизме у мальчиков в раннем возрасте.

Вечером того дня, она подошла к кроватке сына: он спал с руками под одеялом. Она осторожно приподняла одеяло, его ручки были в трусиках в области паха. Всё, что она могла сделать, перед сном подойти к сыну и уложить его руки поверх одеяла. В пятилетнем возрасте у мальчика не было чувства стыда, но уже была хитрость: притворившись спящим, он дождался, когда мать заснёт, и снова трогал писюльку.

В школе Олег учился ровно; отличником не был, но без троек.

С классом, из-за его внешности, в чертах лица было что-то отталкивающее, отношения не сложились. Несколько раз мальчишки дрались с ним.

На классных вечеринках, девчонки упорно не хотели с ним танцевать.

На восьмое марта, в седьмом классе, оставшись после уроков в школе, поздравили девчонок и устроили танцы. Когда Олег пригласил на белый танец Верку, в которую был влюблён, она, оттолкнув его руку и, скривив губки, сказала: — Отстань от меня, Квазимода.

Олег вздрогнул, показалось даже музыка стихла, кто-то захихикал, потом заржали все.

Он толкнул Верку — Ддура — и пошёл из класса.

На улице его окликнул Вовка — Постой, Олежа, поговорить надо

— Не о чём говорить

— Ты мою девушку обидел

Он подошёл к Олегу вплотную, а сзади зашёл кто-то из ребят и встал на колени. Вовка резко толкнул Олега и он, споткнувшись о стоявшего на коленях, упал навзничь. Подскочили ещё двое, и они стали пинать Олега.

Летом, перед восьмым классом, Олег сильно вытянулся и раздался в плечах. Когда пришли 31 августа на переключку он был на голову выше самого высокого одноклассника.

В конце сентября, на уроке истории, Вовка, стоя у доски, плавал как утка. Ему подсказывали, он прислушивался и повторял. Когда ляпнул невпопад, все засмеялись. Олег тоже усмехнулся. Вовке вкатили кол, а после уроков он, с друзьями, остановил Олега.

— Слышь, Квазимода, а чё ты смеялся на уроке?

Олег посмотрел на Вовку в упор и ответил: — Потому что смешно было, и ты был смешон.

Они набросились на него гурьбой. Расшвыряв одноклассников, как котят, Олег спокойно, но с угрозой, сказал: — В следующий раз руки-ноги переломаяю — повернулся и пошёл.

У мальчишек поджилки затряслись, но не от его слов: от его взгляда.

После этого, в открытую с ним уже не конфликтовали, а только гадили исподтишка, да насмехались за спиной.

...

Наша драматическая история подходит к событию, которое сместит традиционные ценности наших героев, а в их души войдёт неведомое, и покроет их пятнами, как ржавчина покрывает металл.

29.07.15